

ОТ ОКТЯБРЯ К КОММУНИЗМУ¹

Октябрьская революция в царской России, свалившая в 1917 г. вслед за царизмом заодно и все устои капитализма в этой огромной стране непредвиденных возможностей, стала уже заведомо историческим рубежом мирового значения.

Однако далеко не сразу она получила за собой такое признание даже в среде ближайших попутчиков Октября. Напомним, что у западных теоретиков марксизма почитался непререкаемой догмой взгляд, по которому победа социализма сможет быть обеспечена не раньше, чем для этого созреют все условия в большинстве передовых стран мира. К счастью, советские коммунисты никогда не были догматиками. И, не дожидаясь других, они-таки не упустили представившейся им возможности довести у себя победоносную пролетарскую революцию до ее логического конца. А передовые страны Запада, возглавляемые такими лидерами, как Уинстон Черчилль, тем временем тщетно пытались удушить нас в кольце блокад и интервенций. И лишь мудрейший лондонский «Таймс» с первых же дней после победы Октября не без успеха успокаивал своих читателей, сообщив им с полной уверенностью о большевиках, что, «хотя они и сильны, у них не хватит ума управлять страной...»

Не стоит, впрочем, спрашивать, у кого же именно не хватило ума в данной ситуации. Ведь под управлением коммунистов наша страна, свергнув ярмо капитализма, продвинулась вперед с тех пор за 50 лет на целые столетия, опередив на пути мирного экономического развития уже не одну из твердынь и «передовых» форпостов капиталистической агрессии. Но особенно поучительный урок истории получила гитлеровская Германия, попытавшись предательски — одним лишь молниеносным ударом без объявления войны — сокрушить оружием всю мощь социалистических возможностей СССР. Развязка всей этой эпопеи в Нюрнберге, где многие из сподвижников Гитлера расплатились уже за эту авантюру своей головой, показала, однако, что СССР — твердый орешек, о который легко обломать и крепчайшие зубы. К тому же после поражения фашизма за спиной СССР выросла уже целый лагерь новых стран социализма, возможности которого становились с каждым годом все более широкими и привлекательными.

И тогда хитроумный Одиссей английской буржуазии, Уинстон Черчилль, сколачивая новую коалицию против стран социализма, выдвинул свою, со всех сторон обтекаемую идею холодной войны с ними всей мировой буржуазии под знаменами НАТО. Такая война, казалось бы, не требует от агрессивной буржуазии особого героизма и даже не угрожает ее виновникам предстать когда-либо перед судом нового Нюрнберга в случае военного поражения. Ведь в ней можно обойтись и

¹ Доклад на научной сессии Института мировой социалистической системы «Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая социалистическая система». М., 1967.

вовсе без сражений. Достаточно лишь организовать за счет налогоплательщиков разорительную гонку вооружений, оградив одновременно противный лагерь всеми видами экономической блокады и торговой дискриминации, чтобы быстро довести, не мытьем, так катаньем, беднейших конкурентов в этом соревновании до полной нищеты и, схватив их за горло, поставить на колени.

Однако скоро обнаружилось, что внутренняя конкуренция в лагере самой буржуазии угрожает слабейшим его членам даже сильнее, чем все миролюбивые социалистические страны, а торговля с ними заведомо прибыльнее бойкота. И вот уже не стало старейшего вдохновителя холодной войны Черчилля, доживает свой век и боевой союз западных держав НАТО. Противоречия между американским и западноевропейским капиталом на мировом рынке обостряются, а бесплодная гонка вооружений прежде всего переобременяет бюджеты наиболее агрессивных стран капитала. И это опрокидывает все авантюристические расчеты на «холодную» войну в условиях, когда и самая горячая, атомная война ничего уже в соревновании экономических систем решить не может.

Тем временем мы уже успели построить социализм в нашей стране и приступили к строительству материально-технической базы коммунизма. Победу Октябрьской революции в наши дни можно уже признать окончательной и бесповоротной. Она открыла собою новую эру, которая, по оценке классиков марксизма, впервые выводит нас «из царства необходимости в царство свободы». И действительно, лишь с обобществлением всех средств производства в результате социалистической революции мы выходим из тягостной необходимости слепо следовать всем велениям рыночной стихии, приобретаем новые рычаги сознательного планирования в общественном производстве материальных ценностей и открываем широчайшие возможности творческой самостоятельности трудящихся во всех областях науки и культуры с каждым новым расширением их свободного времени, которое, таким образом, по Марксу, само становится «величайшей производительной силой».

Значение такой победы, открывшей новую эру общественных отношений — без классового угнетения и эксплуатации человека человеком, — трудно преувеличить. И не без основания весь предшествующий период мировой истории — от первых антропидов до сэра Уинстона Черчилля вместе с воспетой им холодной войной — можно назвать лишь предысторией истинно человеческих взаимоотношений. История их начинается только с первых побед Великого Октября. А эти победы становятся для нас вместе с тем и высшим торжеством человеческого Разума, поскольку они еще задолго до нас были в основном предсмотрены и обоснованы творцами нашей общественной науки — марксизма.

Но вот прошло уже полвека с тех пор, как мы вступили на новый путь — от Октября к коммунизму, и пора подвести хотя бы первые итоги за эти полвека. И если спросить себя, как далеко мы уже продвинулись вперед на этом нелегком пути, то серьезный ответ на него потребует размышлений. Бесспорно лишь одно — что в области экономического соревнования с капиталистическим миром наши достижения уже огромны и, несмотря на трудности, возрастают с каждым годом. А вот в области идеологической трактовки многих проблем и категорий науки о коммунизме у нас нет еще полной ясности и определенности. Теория явно отстает от практики. И число все более спорных разномыслий и острых дискуссий об оптимальных путях нашего продвижения к коммунизму за последнее время даже заметно возрастает.

Это вполне объяснимо, конечно. Ведь классики марксизма, широко разработав в своих трудах важнейшие проблемы эпохи капитализма,

не оставили нам в наследие готовеньким столь же детальное учение о коммунизме. Заботу об этих «деталях» они вполне резонно возложили на своих преемников по строительству коммунизма, т. е. на наше поколение. А этому поколению в повседневной борьбе тоже не скоро удалось задуматься о проблемах углубленной теории. И очень долго большинство из наших экономистов довольствовалось остатками и пережитками учений прошлого. Хотя основы марксизма остаются незыблемыми, практика, наталкиваясь на целый ряд неожиданных трудностей, еще нередко хромает и явно нуждается в дальнейшем развитии и углублении теории. Таким образом, оживление и обострение теоретических дискуссий наших дней, поскольку они обогащают науку, можно лишь приветствовать. Но пора бы нам и подытожить хотя бы важнейшие идеологические расхождения, которые уже получили свое разрешение или еще ждут его, за полвека нашего продвижения к коммунизму.

Возьмем, например, живучесть пережитков прошлого даже в терминологии советской экономики. Наша практика очень долго сохраняла в полной неприкосновенности все несвойственные ей категории и основные понятия. Так, уже упразднив капитализм в СССР, наши бухгалтеры, финансисты и статистики еще лет 20 усердно подсчитывали в своих балансах по инерции основные и оборотные капиталы социалистических предприятий. А между тем в таком словоупотреблении не понято основное, что «капитал» всегда служил орудием эксплуатации труда, а социализм принципиально исключает эту задачу в использовании своих производственных фондов. Но заблуждались во многом не только бухгалтеры. В памятные годы нэпа, когда от вынужденной политики «военного коммунизма» Ленин повернул руль к развязыванию товарных отношений в СССР, этот неожиданный, хотя и вполне обоснованный, поворот к рыночной стихии оказался непонятым не только в буржуазной среде, но и в кругах друзей. И если врагов революции этот поворот обманул несбывшимися надеждами на реставрацию капитализма, то немало друзей ошиблось, расценив его как явное «отступление» от задач революции, с которым надо как можно скорее покончить.

Лишь со временем обнаружилось, что товарность социалистического хозяйства в первой фазе коммунизма — явление вполне закономерное и, если учесть все его особенности, благоприятствующее нашим задачам. Оно облегчает возможности планирования на первых его этапах, когда все производственные пропорции не поддаются еще измерению непосредственно в трудовом выражении, но уже с вполне достаточной точностью могут получить свою меру и в товарных ценах, т. е. в денежном выражении трудовой стоимости реализуемых благ. Тем не менее споров о товарности социалистического хозяйства в первой его фазе возникало в марксистских кругах немало. Одни пытались объяснить ее лишь наличием в СССР двух форм собственности — общегосударственной и колхозной — и тем самым резко ограничивали сферу ее действия обменом лишь между этими секторами хозяйства. А между тем и в сфере государственного хозяйства, как известно, все рабочие и служащие получают в основном все им необходимое в порядке купли-продажи, а не планового распределения по потребностям, какое мыслится лишь в условиях полного коммунизма. А некоторые товарищи вопреки фактам и донныне категорически отрицают товарность современного нам социалистического хозяйства.

Так, один из виднейших советских статистиков, И. С. Малышев, в 1960 г. писал: «Товарное производство и социалистическая собственность — это взаимно исключают понятия. Конечно, на первый взгляд... вся та масса предметов потребления, продаваемых населению и учреждениям в магазинах розничной торговли, кажется именно ре-

зультатом товарного производства. Однако это чисто внешнее впечатление...»¹ С первого взгляда, читая эти строки, можно подумать, что в наших розничных магазинах не осталось уже ничего путного и они торгуют лишь пустыми миражами, а нам лишь кажется, что мы уже сыты подобными галлюцинациями. Но это только внешнее впечатление, ибо в магазинах наших кое-где отмечается и затоваривание. Мысль товарища Малышева, однако, гораздо тоньше. Он исходит из метких замечаний В. И. Ленина о том, что наши товары — товары *особого* рода, товары, которые *перестают* быть товарами. И, следуя этой диалектике, легко допустить, что в конце концов, в условиях изобилия, они все перестанут быть «товарами» в обычном смысле этого слова, обратившись в продукты, идущие на потребление «не через рынок». Но И. С. Малышеву этого было мало. Он решил, что товары уже с первых же шагов планового хозяйства перестали быть товарами. А это ни с чем не сообразно, не подтверждается ни ссылками на классиков, ни общеизвестными фактами и как будто уже само собой выпадает из области дискуссионного.

Удивляться господству товарно-денежных связей в обществе, только что вышедшем из недр капитализма со всеми его традициями и пережитками, не приходится. Гораздо удивительнее было бы, если бы они по какому-то волшебству вдруг сразу же исчезли, на другой день социалистической революции. Искать специальные причины для объяснения наличия товарных отношений в СССР уже с первых лет революции тоже вовсе нет никакой нужды, так как не было еще достаточных причин для их исчезновения. И вообще следует помнить, что для смены общественных формаций требуются большие сроки, в течение которых история, преодолевая на своем пути с трением и скрипом инерцию прошлого, преподносит нам подчас нелепейшие неожиданности. Мы имеем в виду, в частности, весьма поучительный кризис затоваривания промышленной продукции в СССР уже в 1923 г.

Товарного перепроизводства, конечно, не было у нас в эти годы. Но были серьезные теоретические расхождения о задачах нэпа в среде хозяйственников. И, несмотря на то, что нэп был прежде всего политикой смычки с полунищей деревней, большинство хозяйственников усматривало главную его задачу в реализации хозрасчета и высокой прибыльности советской промышленности. Застрельщики этой концепции, как известно, уже в 1923 г. заявляли на XII съезде партии: «Мы собираемся проходить через стадию первоначального социалистического накопления» — и с этой целью провели резолюцию, по которой необходимые для возрождения социалистической промышленности оборотные средства образуются «в качестве избытка сельскохозяйственных продуктов над потреблением деревни». И все это завершалось директивой: «Вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости — есть вопрос о существовании Советской власти, т. е. судьбе пролетариата»².

Конечно, «прибавочная стоимость» в условиях социализма не извлекается. Но больной Ленин отсутствовал на съезде. А хозяйственников устраивала и такая формула поощрения высоких цен. И вот уже в приказе ВСНХ трестам от 16 июля было указано, что «общим руководящим началом для деятельности как предприятия, так и ВСНХ на ближайший период является прибыль». Хозяйственники из ВСНХ требовали при этом от трестов принять все меры к тому, чтобы получить

¹ И. С. Малышев. Общественный учет труда и цена при социализме. М., Экономиздат, 1960, стр. 25—26 (курсив мой.— С. С.).

² «XII съезд РКП(б) 17—25 апреля 1923 г.». Стенографический отчет. М., 1923, стр. 263, 264, 293.

«наибольшую прибыль»¹. И действительно, цены промышленности, без всякого соображения с законом стоимости и при одновременном снижении сельскохозяйственных цен, были повышены в 2,3 раза, что привело вместо сверхприбыли к чувствительному затовариванию по всей промышленности.

Ничего особо страшного, однако, при этом не произошло. Центральный Комитет партии уже с сентября 1923 г. принял меры к снижению завышенных цен. И эфемерный «кризис сбыта» рассосался еще в том же году. Валовая продукция крупной промышленности за весь 1923 г. повысилась при этом на 53%. И даже чистая прибыль по балансу государственных трестов на 1 октября 1923 г. составила не менее 111 млн. руб., или 3,7% к основному фондам. Политика таких хозяйственников с их тяготением к «непомерно высоким ценам» была осуждена на 13-й конференции партии как мелкобуржуазный уклон от марксизма. Уроки «кризиса» требовали особого внимания к проблемам ценообразования. Но никаких готовых решений в планировании цен в те годы еще не нащупывалось. Ясно стало лишь одно — что право устанавливать цены тем органам, какие наиболее заинтересованы в их завышении, доверять не следует.

Трудно было на первых порах лишь примириться с признанием «прибавочной стоимости» в условиях социализма. Попытки заменить это понятие термином «прибавочный продукт» или «прибавочный труд» не спасают нас от противоречий, так как все они в равной мере являются отличительным признаком классовых формаций и мерой эксплуатации труда. Ведь «прибавочным трудом» Маркс называл неоплаченный труд рабочего. Правда, любители цитировать нашли у него в III томе «Капитала» и такое высказывание: «Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать». И в этом случае на его долю, по Марксу, остаются лишь страховые фонды и фонды расширенного воспроизводства². Однако и эти фонды в условиях социализма не менее необходимы, чем другие. И сам Маркс это вполне подтверждает уже в I томе того же «Капитала», наиболее законченного и зрелого из его экономических трудов.

Ограничить рабочий день с повышением производительности труда одним лишь «необходимым трудом», так, чтобы вовсе исчез «прибавочный», по его мысли, невозможно только при режиме капитала. «Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны потому, что условия и жизнь рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления»³.

Какое же из этих двух решений предпочтительнее в нашу эпоху, с победой социализма?

Думается, что та граница между необходимым и прибавочным трудом, которая определяла меру его эксплуатации в условиях капитализма, полностью исчезает с ликвидацией буржуазии. В условиях социализма приобретает гораздо большее для нас значение граница между фондами потребления и фондами расширения материального производства, создаваемого трудом. Но эта грань проходит по совсем другой линии — положительных показателей нашего продвижения к

¹ Эм. К. Виринг. Очерки развития промышленности СССР, стр. 74.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 385—386.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 539.

коммунизму. К сожалению, немало экономистов и донныне, сохраняя традиционные представления о прибавочном труде и продукте, дают повод думать, что именно за счет этих источников питается не только весь фонд общественных накоплений, но и вся сфера непроизводительного труда, который по столь же устаревшей традиции все еще рассматривается в наших учебниках как труд «непроизводительный».

Во времена Адама Смита производительным действительно признавался только труд, воплощаемый в товарах, поскольку он обычно присоединяет к стоимости материала стоимость своего содержания и прибыль своего хозяина. Решающим признаком производительного труда при этом становится даже не столько материальность товаров, сколько воспроизводство их «с той или иной прибылью». «Только труд, производящий капитал, есть производительный труд»,— поясняет эту концепцию А. Смита Карл Маркс¹. По этой концепции вся сфера обслуживания, включая чиновников, юристов, врачей, учителей, ученых, писателей, актеров, музыкантов, певцов, танцовщиков, представляет собой «непроизводительных работников».

«Труд самого последнего из этих людей,— поясняет Адам Смит,— обладает известной стоимостью... но труд даже самой благородной и самой полезной из этих профессий не производит ничего такого, на что можно было бы потом (!) купить или достать одинаковое количество труда. Подобно декламации актера, речи оратора или мелодии музыканта, труд их всех исчезает в самый момент его выполнения». И Адам Смит заключает: «Они являются и содержатся на часть годового продукта остального населения»².

Это не столь уж убедительно звучит в устах даже мудрейших Адамов буржуазной экономической науки. Почему все производители сферы услуг должны содержаться на чей-либо чужой счет, если их труд обладает самостоятельной стоимостью и, стало быть, вступая в обмен этой стоимости на продукты производственной сферы, они нормально обмениваются лишь эквивалентами своего труда? Потому, что услуги обычно исчезают уже в самый момент их выполнения и потребления? Но разве продукты материального производства не исчезают столь же обычно в момент их потребления? К тому же далеко не все плоды труда непроизводительной сферы исчезают из общественного потребления столь мимолетно, как изображал автор «Богатства народов». Напомним хотя бы о таких плодах творчества непроизводительной сферы, как песни Гомера или теоремы Евклида. Их производство едва ли было для кого-либо прибыльным. Нельзя его отнести и к числу особо «фондоемких» или «материалоемких». И все же его плоды оказались прочнее стали и долговечнее железобетона. Они все еще живут среди нас целые тысячелетия, обогащая чувства и разум народов и не требуя от них за это уже ни оплаты, ни ремонта, ни амортизации.

Таковыми качествами обладало творчество в области наук и искусств и во времена Смита. Относить его в сферу непроизводительного труда и тогда можно было только с позиций буржуазного общества и требований капитала. Но теперь, в наше время, когда наука, по нашему общему признанию, становится уже непосредственно «производительной силой», отрицать производительность научного труда нет оснований.

Ну, а как же быть с врачами, учителями и прочими работниками сферы обслуживания?

О них давно уже сказано Марксом, что «труд врача и учителя не создает непосредственно фонда, из которого они оплачиваются, хотя их

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 137.

² Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1935, стр. 279.

труд входит в издержки производства того фонда, который вообще создает все стоимости, а именно в издержки производства рабочей силы». Но рабочая сила материального производства и есть основная и важнейшая производительная сила нашего общества. А потому и весь дополнительный труд, какой входит в издержки производства этой основной производительной силы, не может рассматриваться как непроизводительный. И Маркс заключает: «Таким образом, производительным трудом Смит должен был бы признать такой труд, который или производит товары, или непосредственно производит, формирует, развивает, сохраняет, воспроизводит самоё рабочую силу»¹.

И если с такой концепцией и не мирились пионеры буржуазной идеологии, то ныне, уже в условиях социализма, нам, казалось бы, совсем не обязательно повторять все их ошибки, начиная с самых азов, от Адама. Сохраняя деление на производственную и непроизводственную сферы труда, мы могли бы уже признать, что работники и той, и другой — одни *опосредствованно*, обслуживая воспроизводство рабочей силы во всем народном хозяйстве, а другие *непосредственно* участвуя в производстве всех материальных ценностей — тем самым, в качестве «совокупной» рабочей силы страны, в полной мере участвуют в создании всего общественного продукта и народного дохода этой страны. И, стало быть, труд всех этих работников может быть более или менее производительным, но в категорию заведомо «непроизводительных» можно было бы отнести из их числа лишь явных лодырей, прогульщиков и дармоедов.

Не пора ли уж признать, что любой общественно полезный труд не может быть бесплодным. Социалистический принцип распределения требует от всех сограждан работы по способностям и вознаграждения их по труду независимо от того, в какой сфере эти их способности используются в плановом хозяйстве. И признание в этих условиях труда какой-либо категории работников — скажем, учителей и врачей, выполняющих заданный им план по способностям, — непроизводительным лишь порочит не только этих работников, но и все планы, умножающие и вознаграждающие такой якобы бесплодный труд.

Но отказ от чужеродных нам трактовок А. Смита о непроизводительной сфере труда важен для нас и в другом отношении. В подсчете народного дохода марксистская наука давно уже ограничивается чистой продукцией одной лишь производственной сферы, без повторного счета всех внутренних оборотов в народном хозяйстве. А в практике стран капитализма господствует метод учета в национальном доходе и всех индивидуальных доходов сферы обслуживания, в полном отрыве от производственной сферы труда. Дефект этой практики как раз и заключается в том, что обе эти сферы восполняют друг друга и их нельзя успешно изучать в отрыве одну от другой. Если же их рассматривать в совокупности, то обнаружится следующее обстоятельство: с расширением границ хозяйственных оборотов страны за счет сферы обслуживания возрастают не только общие доходы, но и суммарные издержки по всему хозяйству, чего не учитывает буржуазная практика.

Однако, в частности, в сфере обслуживания не образуется особых фондов накопления. И потому доходы этой сферы по стоимости всех созданных в ней услуг в основном балансируются равноценными издержками материальных ценностей производственной сферы, необходимых на оплату труда в сфере услуг. Таким образом, возрастает лишь внутренний валовой оборот между сферами, а в общем итоге народный доход и с учетом услуг остается равным тому же, какой был по одной лишь производственной сфере. Не меняется и сумма чистых.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 150, 154.

накоплений. Но с полным учетом затрат совокупного труда по всему народному хозяйству получают иные показатели его производительности, а вместе с тем и более низкие нормы накопления — $m : v$ или $m : (v + m)$ в расчетах на каждую единицу труда.

Обычно допускается, что наши фонды накоплений создаются только кадрами производственной сферы. Если же учесть, что и образование и квалификация, а вместе с тем и производительность этих кадров во многом определяются той подготовкой их к труду, какую они получают еще в сфере обслуживания всей рабочей силы страны, то пришлось бы признать, что и работники этой сферы если не прямо, то косвенно являются в той же мере творцами всех наших успехов и конечных достижений.

В условиях соревнования экономических систем решающая роль принадлежит показателям производительности труда. Между тем сравнительная точность их исчисления и в нашей, и в зарубежной практике невелика и далеко не отвечает всем требованиям строгой теории. Важнейшее из этих требований, обоснованное еще классиками марксизма, а именно: требование учета наряду с *живым* и всех затрат *прошлого* труда, овеществленного в общественном продукте страны, — обычно вообще игнорируется нашей статистической практикой¹. Остается без учета, в частности, и труд в сфере обслуживания всей занятой в стране рабочей силы. А это величина немалая. К тому же удельный вес ее в общих затратах труда разных стран весьма различен. Стало быть, и общая их экономичность становится малосопоставимой.

В последние годы в качестве важнейшего критерия экономичности сопоставляемых хозяйственных комплексов и отдельных предприятий у нас все чаще вместо производительности труда выдвигаются показатели сравнительной их рентабельности. И в связи с новыми реформами в области планирования с ориентировкой на развязывание рыночных отношений и всех ресурсов хозяйственного расчета расширяется оживленная дискуссия вокруг целого ряда связанных с этими задачами спорных проблем.

Основная из этих задач — возможность и необходимость серьезного повышения эффективности народнохозяйственного планирования на данном его этапе — совершенно бесспорна. Эта задача, по-видимому, назревает не только в СССР, но и в ряде других стран социализма в связи с теми или иными трудностями, а также и с новыми возможностями их преодоления. В нашей стране подобные трудности возникают уже не в первый раз. И в обсуждении нового курса наших дней мы не случайно наталкиваемся на ряд поучительных аналогий из времен нэпа 20-х годов.

И тогда и ныне — правда, на весьма различных уровнях производства — наша страна стала перед большими трудностями в своем развитии и необходимостью решительного поворота в своей хозяйственной политике. И в том и в другом случае важнейшей причиной трудностей оказался недопустимый отрыв сельского хозяйства от общего уровня возможностей и потребностей страны, со всеми вытекающими отсюда опасностями. Не случайно и то, что поворот к нуждам наиболее отсталой отрасли хозяйства на обоих этапах потребовал прежде всего посчитаться с велениями рынка в условиях ценообразования, т. е. с забытым законом стоимости.

Поучительно и то, что на обоих этапах нашлись экономисты, убежденные в том, что, и не считаясь с этим законом, можно успешно решить все хозяйственные проблемы. Мы уже видели, как в годы нэпа кое-кто из хозяйственников, следуя линии наименьшего сопротивления,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 286—287.

диктовал советским трестам требование «наибольшей прибыли» и, хотя добился этой ценой только липового «кризиса сбыта», обнадежил всех западных мудрецов сладкой иллюзией, что у нас уже возрождается капитализм. Известно ведь, что кризисы — это самый верный признак капитализма.

В наши дни еще больше прославился на Западе другой наш экономист, Е. Г. Либерман, провозгласивший, что лучшим критерием эффективности советских предприятий может служить лишь получение ими высокой нормы прибыли. Нашлись у него уже и последователи, поставившие «максимизацию прибыли» в качестве важнейшей задачи «оптимального» планирования¹. Высокая норма прибыли! Помилуйте, да ведь это идеал буржуазной мысли. С нею даже планирование приобретает новый вкус. И наш профессор сразу же был прославлен на Западе как высший авторитет в области советской экономики. В газете «Фигаро» уже в 1962 г. было напечатано, что профессор Либерман предлагает «восстановить в СССР режим свободного предпринимательства» и можно предвидеть «уже близкий возврат капитализма в СССР».

Конечно, наш профессор никому не предлагал ничего подобного. И всем, кто все еще ждет реставрации капитализма в СССР, и на этот раз, как и в годы нэпа, предстоят лишь горькие разочарования. Но из сочиненной ими наспех смешной «либермании» лучше всего видно, чего им больше всего хотелось бы.

В завершение всех аналогий с концепциями нэпа можно отметить и одно существенное отличие. Тогдашние экстремисты лишь на ближайший период добивались высокой нормы прибыли, а нынешние горячие головы, вооруженные всеми ресурсами электронно-вычислительной техники, требуют уже максимизации этих норм без всяких ограничений. Но можно ли усмотреть какой-либо прогресс в таком новом, на этот раз математическом «уклоне» от строгих требований экономической теории? Едва ли. Хрен редьки не слаще. И «максимальные» нормы прибыли еще глубже смогли бы вовлечь нас в пучину кризисов, чем просто «высокие», по образцам 1923 г.

Весьма понятно, что высокие нормы прибыли предполагают политику высоких рыночных цен. Значит, для максимальных норм потребовались бы уж и цены сверхвысокие. Но такие цены, выгодные лишь продавцам, крайне невыгодны покупателям и прежде всего всем трудящимся, снижая до минимума реальное значение их заработков. Напомним лишь тот «общий закон», зафиксированный еще Марксом, по которому *«прибыль повышается в той же мере, в какой понижается заработная плата...»*² Таким образом, те, кто требует у нас максимизации прибыли, тем самым ратуют за снижение реальной оплаты труда в СССР до такого же предельного ее минимума. Но едва ли такая политика целесообразна в условиях социализма. И, во всяком случае оптимальной в нашем планировании ее с точки зрения интересов рабочего класса признать никак нельзя.

Конечно, в условиях социализма и прибыль служит интересам рабочих. Однако «прибыли» здесь создаются за счет отложенных потребностей рабочих и служат в основном задачам расширения производства в интересах грядущих дней. Но ведь одновременно с фондами расширения должны расти и фонды вовсе неотложного, текущего потребления тех же рабочих. И оптимальным будет только такой план и такие цены которые обеспечивают рост и тех и других фондов — в наиболее для нас приемлемых, оптимальных пропорциях. Искомым в такой задаче таким образом, становится вовсе не максимум той или другой из эти:

¹ «Коммунист», 1966, № 8, стр. 87.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 449.

величин, а наивыгоднейшее их распределение в общей сумме обеспеченного планом народного дохода¹.

Что же касается оптимальных цен в таком плане, то в интересах всего общества наиболее пригодными можно признать лишь равновыгодные для всех в эквивалентном обмене цены, т. е. цены по действительной трудовой стоимости всех благ.

Правда, в дискуссии о ценообразовании обсуждалось уже и много других предложений и практических рецептов на любой вкус. Наименее сложным из них является рецепт вернуться и в нашем планировании, попросту и без затей, к испытанной уже во всем мире системе «цен производства». Такие цены с надбавкой к «себестоимости» равной нормы прибыли во всех отраслях труда складывались в свое время стихийно в результате жестокой конкуренции частных предпринимателей на рынке, т. е. ценою немалых жертв и народнохозяйственных потерь. Однако единое плановое хозяйство прекрасно обходится и без равной нормы прибыли, и без излишних потерь. Так стоит ли возвращаться вспять по уже пройденному пути?

Цены производства, впрочем, не слишком еще отклоняются от стоимости. Но имеются рецепты и позатейливее. Нередко весьма видные экономисты и незаурядные математики выступают и с такими еще не опробованными новеллами в ценообразовании. Одни, например, сулят нам новые, особо выгодные трудовые цены, которые в сумме по всей конечной продукции «превышают ее трудовую стоимость». Другие строят свои цены на базе «объективно обусловленных оценок», вытекающих из не менее чуждой нам теории предельной полезности. Третьи, уже в явном отрыве от трудовой стоимости, базируют свои цены на сравнительной потребительной ценности разных благ, хотя еще полной загадкой остается сопоставимость их по этому признаку. Но и при наличии этой разногласия решающими остаются программные директивы партии.

Они не требуют от нас ни максимизации прибыли, ни повышения цен. Но в них твердо записаны две установки. *Первая:* «Цены должны во все большей степени отражать общественно необходимые затраты труда...» *И вторая:* «Систематическое, экономически обоснованное снижение цен на базе роста производительности труда и снижения себестоимости продукции — основное направление в политике цен в период строительства коммунизма»². Это уже не дискуссионные установки. И если, неуклонно выполняя их, мы всегда будем еще помнить, по заветам Ильича, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»³, то с этими установками коммунизм будет построен.

Ну а как же быть со всеми дискуссиями и столь существенными в них расхождениями по самым животрепещущим вопросам науки марксизма в наши дни?

В былые годы самой острой борьбы с контрреволюцией подобные расхождения даже в собственных внутривнутрипартийных рядах, несомненно, казались весьма опасными. И меч диктатуры пролетариата беспощадно пресекал появление любых потенциальных «ересей» в этих рядах, отсекая их в самом их зародыше, на корню. Но тем самым всякое продвижение вперед научного коммунизма надолго застопорилось. Омерщвленные догмы застыли в анабиозе. И даже казалось, что они уже облакаются липкой плесенью на кафедрах обленившихся начетчиков. Состояние нетерпимое в любой науке.

Но времена меняются. И мы уже не страшимся любых расхождений в научных дискуссиях. Отжившие свое время идеи в свободной дискус-

¹ Подробнее об этом см. в моей книге «Проблемы социализма и коммунизма». М., 1965, раздел «Проблемы оптимальных пропорций», стр. 199 и сл.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», 1961, стр. 90.

³ В. И. Ленин и н. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 20.

сии и сами постепенно опадают, как мертвые листья в октябре. А новые, творческие идеи лишь проверяются и обогащаются в таких столкновениях лучших умов. Из столкновения мнений рождается истина, свидетельствует наш опыт. И мы можем лишь приветствовать, что научная жизнь в подобных столкновениях бьет уже вокруг нас ключом. В такой атмосфере, как кажется, воспрянут духом, просыпаясь ото сна, и самые отпетые начетчики прошлых лет. И чем чёрт не шутит, когда начетчики не спят! Ведь даже из плесени рождается пенициллин. Во всяком случае, можно сказать, что один лишь факт такого общего оживления на фронтах нашей науки, где рука об руку соревнуются физики и лирики, математики и экономисты — ободряющий итог наших дней.

К тому же все эти дискуссии, обсуждения и рассуждения в плановом хозяйстве и делу не помеха. Ибо каждой задаче отводится свое время. Определяя при этом трудящимся их рабочее время, необходимое для выполнения всей их производственной программы, план высвобождает им все больше «свободного времени» и для других задач в области науки и культуры, с таким примерно наказом: «В свободное время дискутируй с кем хочешь и спорь хоть до слез, но производственная программа должна быть выполнена на все сто процентов».

Таков закон. Но лучше всего, если его веления выполняются не страха ради, а без всякого понуждения, с полной охотой и личной заинтересованностью в этом всех исполнителей каждого плана. К этой основной задаче — обеспечить такую систему планирования, при которой с общими интересами всей страны в количественном и качественном выполнении планов будут в наибольшей мере совпадать и все частные интересы каждого из исполнителей этих планов, — и направлена, как нам кажется, проводимая реформа научной организации труда и управления.

Конечно, с этой центральной задачей реформы теснейшим образом увязывается и ряд других. Для нас важно не только дружное выполнение наших планов, направленных к ликвидации важнейших производственных диспропорций, скорейшему подъему сельского хозяйства и наиболее прогрессивных из числа новейших отраслей индустрии. Не менее важно и общее ускорение временно затормозившихся темпов нашего хозяйственного роста за счет нового повышения производительности труда. А еще очень важно дальнейшее развязывание самодеятельности самих трудящихся в их социалистическом соревновании за высшую эффективность труда и всемерное поощрение их инициативы в области массового рационализаторства и изобретательства в этой среде. Кстати сказать, это особенно многообещающий резерв в связи с широкими перспективами дальнейшего внедрения науки непосредственно в производство, а также среднего и высшего образования в головы непосредственных производителей у станка. Наконец, весьма важно и все то, что освобождает от слишком назойливой и мелочной опеки непосредственных руководителей производства на местах, растормаживая их творческую энергию от бюрократических излишеств чрезмерной централизации.

Однако все эти многообразные задачи тем успешнее будут выполнены, чем глубже будет продумана и полнее реализована центральная идея реформы о теснейшей увязке общенародных интересов планирования с самой конкретной и земной заинтересованностью в оптимальном выполнении каждого плана прежде всего всех его исполнителей — сверху донизу и обратно. Но это совсем не легкая задача. Для своего решения она требует и продуманной тарификации повременной оплаты труда всех профессий по их квалификации, и научного нормирования сдельной оплаты по миллионам изделий и операций, и всеохватывающей системы премирования и поощрения многообразнейших достижений труда, а главное, немалых ресурсов для образования необходимых фондов поощрения по всем видам индивидуального и коллективного премирования.

Образование этих фондов мыслится за счет ресурсов прибыли каждого данного предприятия. И там, где коллектив предприятия добился повышения прибыли за отчетный период, возможность такого ее использования не вызывает сомнений. Но ведь в поощрении нуждаются и другие достижения производственников, например экономия в издержках прошлого труда, улучшение качества продукции, повышение производительности труда... И они, конечно, независимо от наличия прибыли заслуживают премирования. А между тем у нас имеются даже целые отрасли труда без прибыли, хотя производительность труда в них и растет. И пока еще неясно, за счет каких ресурсов предполагается поощрять в них миллионы рабочих за самое важное для победы социализма — за рост производительности труда. Но уже ясно, что односторонняя ориентировка на прибыль в подобных случаях потребует еще поправок.

Отдельные предприятия и даже крупные их объединения при неравной оснащенности средствами труда и ресурсами энергии не могут быть в равной мере рентабельными в условиях социализма. Однако добиваться равной «нормы прибыли» — по отношению к наличным производственным фондам — у нас нет оснований. Ведь новая стоимость создается только живым трудом. А для того чтобы обеспечить равные «нормы накопления» — по отношению к затратам труда в межотраслевом их разрезе, — достаточно только выравнивать все цены у потребителей по общественной стоимости реализуемой продукции. Но для того чтобы создать равные условия соревнования производственников и стимуляции их труда в каждом из хозрасчетных предприятий, этого явно недостаточно.

Коллектив каждого из них не должен отвечать за те независимые от него локальные условия, которые могли бы незаслуженно повысить или понизить его шансы в соревновании со всеми другими. Такие условия следует исключить, определяя локальную рентабельность каждого из них в пределах объединения на базе «расчетных» с ним цен с учетом «дифференциальной», по Марксу, т. е. индивидуальной стоимости их продукции. Нормы такой дифференциальной рентабельности отдельных предприятий при этом, несомненно, сблизятся, но полного их выравнивания в условиях соревнования ожидать не приходится.

Ведь и по рентабельности, даже при всех прочих равных условиях, передовики будут опережать отстающих. Методика всех таких расчетов, однако, далеко еще не разработана и требует обсуждения.

Обсуждаются еще и самые принципы наиболее эффективного распределения накоплений между потребностями централизованного их использования в общих интересах страны и локальными нуждами каждого из отдельных хозрасчетных предприятий. Ставится вопрос, каким из этих потребностей следует отдать предпочтение. А в связи с этим и другой: кого же в условиях социализма надлежит рассматривать в качестве основного распорядителя всех накоплений страны? Уполномоченные на это центральные органы управления или прежде всего самих непосредственных производителей всех благ на местах?

До сих пор по господствующей у нас концепции демократического централизма в непосредственное распоряжение отдельных предприятий из общих накоплений страны предоставлялись, сверх необходимых им фондов реновации и модернизации, лишь весьма скудные фонды индивидуального и коллективного поощрения трудящихся каждого из этих предприятий. Проводимая ныне реформа в развитии хозрасчетных рычагов управления значительно расширяет возможности экономической стимуляции труда многообразными фондами предприятий. Но имеются уже экономисты, требующие идти еще дальше в развитии хозрасчета. Порядок распределения прибыли, соответствующий полному хозрасчету социалистических предприятий, должен — по их концепции — исходить из того, что прибыль как результата хозяйственной деятельности

коллектива принадлежит этому предприятию. Из нее предприятие производит платежи в бюджет по определенным нормативам, возвращает банковские ссуды и выплачивает проценты. Оставшаяся же часть прибыли используется на развитие предприятия, дополнительное материальное поощрение работников и создание резервных фондов.

Автор называет такой порядок распределения прибыли «остаточным». Имеется в виду, что каждое отдельное предприятие со взносом «платы за фонды» и всех прочих установленных платежей в бюджет из своей валовой прибыли приобретает тем самым в качестве исправного арендатора государственных средств труда уже неотъемлемое «право собственности» или по меньшей мере серьезные претензии на всю «остаточную», чистую прибыль за вычетом таких платежей. Такой порядок, вполне осуществим. Но в нем чувствуется уже заметный «уклон» от социализма к синдикализму. А вместе с тем обнаруживаются и некоторые скрытые угрозы успехам оптимального планирования.

Мы не догматики, но, расценивая без всяких предубеждений все плюсы и минусы такого поворота к устремлениям синдикализма, мы не можем признать за ним достаточной целесообразности. Конечно, передача всей «остаточной прибыли» в полное распоряжение хозяйственных предприятий углубит их заинтересованность в росте накоплений, умножит возможности стимуляции трудящихся, расширит местную инициативу и самодеятельность масс, ослабит чрезмерную централизацию планирования, увеличит общие масштабы реконструкции устаревших предприятий по сравнению с требованиями нового строительства и тем самым повысит фондоотдачу на единицу вложений, а может быть, на время ускорит и общие темпы роста всего общественного продукта. Но если все это плюсы, то за каждым из них скрываются значительно превышающие их минусы.

В самом деле, прежде всего претензии любого местного коллектива рассматривать чистую прибыль, полученную в государственном предприятии, как результат только его собственной хозяйственной деятельности ничем не могут быть оправданы. Этот результат определяется и ценами, и размещением предприятий в отношении к рынкам сбыта и поставщикам сырья, и производственными условиями в сопряженных отраслях труда, и наличием пропорций или диспропорций в его распределении по всему народному хозяйству, и многими другими обстоятельствами. И в сущности в условиях социализма любой трудовой коллектив может твердо претендовать лишь на то, чтобы в обусловленной всем равной оплате по труду был, в частности, учтен и тот прирост производительности каждого из его сочленов в отдельности и всех вместе, какой ими достигнут за отчетный период.

Предоставляя им сверх того и всю чистую прибыль в интересах местного значения, нельзя, в частности, избежать и всех опасностей «местничества» и прежде всего расширения производственных диспропорций в недопустимых масштабах. Излишняя самостоятельность в столь широком использовании общественных ресурсов на местах их присвоения неизбежно вступит в противоречие с общими интересами всей страны. Например, интересы страны требуют подтягивания отсталых районов к передовым. А использование чистой прибыли, освоенной в предприятиях и без того наиболее промышленных районов у себя на местах, наоборот, лишь увеличит неравномерность их размещения по всей стране.

Точно так же если все чистые накопления наиболее прибыльных отраслей труда будут целиком использованы на дальнейшее их развитие, независимо от потребностей страны, вместо того чтобы в централизованном порядке направить их туда, где они всего нужнее, то это лишь умножит наперекор всем требованиям планового хозяйства имеющиеся в нем диспропорции и внесет новые элементы дезорганизации и хаоса. Еще менее целесообразно распылять страховые фонды и резервы стра-

ны по всем ее многотысячным предприятиям, несмотря на то, что такое распыление их рекомендуется в интересах «полноты» хозрасчета некоторыми экономистами. Централизованные резервы заведомо можно полнее и эффективнее использовать, чем до конца распыленные. К тому же подобная их децентрализация вовсе уже не мирится с ленинскими установками на демократический централизм. И можно лишь порадоваться, что экономическая реформа не пошла по следам таких экономистов.

Все успехи этой реформы на путях к коммунизму еще впереди. Многое еще на этих путях потребует от нас и теоретических дискуссий, и опытной проверки. Но основное уже нащупано в нашей практике. И больше всего обещает центральная идея плана наладить такую практику планирования, в которой общие интересы страны в наибольшей гармонии сочетались бы с повседневными интересами всех его исполнителей — в процессе стимуляции и научной организации труда. Кое-что, в частности, уже и реализуется в таком перспективном ресурсе нашей грядущей мощи, как изобретательство и массовая рационализация труда в СССР. Скупиться на средства в их поощрении — это самая нерасчетливая политика. Поощрять их за счет текущей прибыли предприятий невозможно, ибо весь эффект рассчитан на реализацию экономии в будущем. И, стало быть, для поощрения их необходимо изыскивать другие источники. А между тем стоит посмотреть, какими бурными темпами возрастает исчисляемая за их счет экономия в хозяйстве (см. табл.).

Следует заметить, что в исчисленных здесь суммах «экономии» на долю более крупных «изобретений» приходится не свыше 11% учтенной экономии. И, стало быть, львиная доля этой экономии образуется за счет более мелких вкладов творческой мысли рядовых производственников у станка. Каждый из таких вкладов экономит нам пока лишь сотни рублей. Но рационализаторы и изобретатели уже теперь насчитываются миллионами, а через 10—20 лет будут исчисляться десятками миллионов. И, контролируя на ходу, за работой, производство по всей стране, такие нештатные его наблюдатели будут, конечно, и независимо от заводских конструкторских бюро нащупывать повсеместно и повседневно миллионы крупных и мелких улучшений. А затем в свободные часы, за пределами рабочего дня, и реализовать их в своих заявках и предложениях с тем большим успехом, чем выше будет образовательный и культурный уровень таких рационализаторов и изобретателей.

В наше время и те и другие, несомненно, как раз входят ближайшим образом в число тех живых сил, посредством которых — по Марксу —

Т а б л и ц а

Изобретательство и рационализация в СССР

Годы	Число авторов	Поступило предложений	Из них внедрено	Экономия за счет их внедрения	
				млн. руб.	%
				тыс.	
1950	555	1241	655	498	100
1955	1138	2080	1169	625	126
1960	2431	3987	2536	1457	292
1961	2694	4152	2676	1620	325
1962	2732	4259	2818	1695	340
1963	2757	4120	2745	1645	331
1964	2836	4053	2761	(1666)	334
1965	2935	4076	2841	(1760)	354
1966	(3040)	4126	2841	2000	401
За 16 лет (1951—1966)	30 465	48 364	30 700	17 982	3600

наука заставляет силы природы служить труду и по-настоящему сама становится уже непосредственно производительной силой страны.

Показательны темпы, какими рационализация силами самих производителей расширяет свои пределы в нашей стране. Население страны с 1950 г., за 16 лет, возросло всего на 28%, число рабочих и служащих почти удвоилось, расходы по государственному бюджету на все образовательные задачи и науки возросли при этом на 223%, а экономия за счет массовой рационализации производства — в 4 раза! А при таких темпах роста, не менее 9% в год, эта экономия, обгоняя рост народного дохода, к 2000 году возрастет еще раз в 20. Нужно еще учесть, что эта экономия образуется сверх всяких планов, рассчитанных на успехи дорогою ценою крупных капиталовложений. Сверхплановая экономия добровольцев рационализации — в основном за счет одной лишь творческой их смекалки, в немногие еще часы их внерабочего времени, — уже теперь обходится много дешевле. Но вот границы «свободного времени» наших рационализаторов в ближайшие годы будут неуклонно расширяться за счет сокращения рабочего дня всех производителей. А вместе с тем будет расти и удельный вес их свободного творчества в общих итогах народного дохода.

Учитывая высокую производительность творческого труда и то, что в условиях полного коммунизма «свободное время» трудящихся и по числу часов в сутки превзойдет длительность нормального рабочего дня в производстве, становится яснее, насколько возрастут возможности всех нештатных любителей рационализации и реализуемая ими экономия в народном хозяйстве. Любопытно сопоставить уже теперь масштабы этой экономии с теми затратами, какими прежде всего питается творческая энергия миллионов рядовых рационализаторов.

Все затраты на школьное просвещение в СССР за 1966 г. составили не свыше 13 млрд. руб., а экономия за счет новшеств рационализации — 2 млрд. руб. Но ведь внедряются такие новшества не на один год и дают экономию, пока не устареют, не менее 5—10 лет. Таким образом, учтенная экономия возрастает уже до 10—20 млрд. руб., окупая только по линии этой сверхплановой отдачи чуть ли не полностью все ежегодные затраты по линии просвещения трудящихся. Однако школьное просвещение повышает квалификацию, а вместе с тем и отдачу не только 3 млн. рационализаторов, но и всех 80 млн. рабочих и служащих, занятых в стране. И в той же пропорции повышается и общая их отдача стране.

Еще продуктивнее затраты на науку, хотя бухгалтерски их «рентабельность» и не поддается учету. Мы еще недооцениваем всего, что нам обещает научная организация труда и управления.

Научная организация труда — это прежде всего такая его организация, которая ставит перед собой задачу неуклонного роста производительных сил общества без всякого ущерба здоровью и жизни трудящихся и даже с облегчением и сокращением в общей сумме затрат доли самого простого и утомительного физического труда за счет расширения наиболее сложных и совершенных форм труда умственного. С ростом автоматике и телемеханики границы времени, необходимого в сфере общественного производства, при этом, конечно, сильно сокращаются. И это откроет перед нами новые просторы «свободного времени» в целях всестороннего развития наших индивидуальных способностей, ради использования их в наиболее плодотворном и привлекательном на всех поприщах — творческом труде. Именно такой все более привлекательный труд станет со временем из рядового средства существования первой потребностью нашей жизни. В соединении с радостями культурного отдыха этот полноценный труд, несомненно, завершит своим Разумом и Красотой всю многогранную полноту нашей жизни.

И тогда мы уже подойдем вплотную от Октября к коммунизму.